

УДК 930.85:82.0 91 (*История цивилизации. История культуры. Сравнительно-исторические литературоведческие исследования*)

ДВА РУССКИХ РОМАНА О «РУССКИХ» НЕМЦАХ

© 2020 А.С. Бакалов, З.Н. Бакалова

Бакалов Анатолий Сергеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы.

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Бакалова Зинаида Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания.

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет.

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 16.04.2020

Статья посвящена анализу проблематики и стиля двух русских романов о немецких переселенцах и их потомках, обосновавшихся в XVIII веке на Нижней Волге. Первый из них – исторический роман «Айсберги колонизации» А.Шнайдер-Стремяковой - написан на основе исторической хроники ее предка - колониста Антона Шнайдера (XVIII в.) и издан в России (2011, 2014) и в Германии (2014). Это роман об истории волжской колонии Мариенталь (ныне поселок «Советский»), о процессе и трудностях адаптации немецких переселенцев к российским условиям. Художественное время романа - 1764 – 1860 гг. С этим произведением сопоставляется тематически близкий к нему роман Г.Яхиной «Дети мои» (2020), представляющий собой хронику событий в другой немецкой колонии - «Гнаденталь» - в предвоенные десятилетия XX века. В основе романа - трагедия семьи школьного учителя Якоба Баха на фоне трагедии всей его колонии и трагической судьбы всех немецких поселений. Анализ выявляет как сходные черты обоих сопоставлявшихся романов, так и существенные различия художественных миров их авторов.

Ключевые слова: Волга, Шнайдер, Яхина, Маркес, Мариенталь, Гнаденталь, век, айсберг, сказочник, исторический роман, немцы, колония, дети, события, действительность, магический реализм, миф, обрыв.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-73-41-46

В последние годы российская литература стала обновляться за счет некогда «неудобных» и «несвоевременных» тем. Одной из них стала тема самоидентификации народов, по которым прошелся каток репрессий довоенного и военного времени. Насильственно лишенные родной земли, чеченцы и турки-мисхетинцы, крымские татары и волжские немцы стали поднимать большой для них вопрос исторической справедливости.

Одному из авторов этих строк пришлось в свое время на правах рецензента знакомить читателей с двухвековой историей немецкой колонии Мариенталь Саратовской губернии [1], получившей художественное воплощение в романе Антонины Шнайдер-Стремяковой «Айсберги колонизации» (2014) [4; 5]. Ее «Айсберги» - это роман, написанный «в четыре руки», - своего рода историческая хроника одного из немецких поселений на Волге, начало которой еще в 18 веке

было положено прапацуром писательницы Антоном Шнайдером, колонистом третьего поколения [3]. Обе книги – дневник-летопись А.Шнайдера и роман его пра-пра-правнучки – вышли под одной обложкой и почти одновременно в Берлине и Барнауле [5; 6] и стали, кажется, первым российским романом о «волжских» немцах.

Антон Шнайдер - талантливый художник, поэт, прозаик, просветитель, публицист. Его дневниками записями пользовались и профессиональные историки, поскольку наука раньше художественной литературы стала осваивать тему жизни и быта немецких переселенцев. Антонина Адольфовна Шнайдер-Стремякова, родившаяся в 1937 г. в том самом селе Мариенталь (ныне поселок Советский Саратовской губернии), полвека проработавшая в школах Алтая и недавно переселившаяся в Берлин, - автор ряда книг, в основном, автобиографического характера.

Тема мемуарных воспоминаний и написанного на их основе романа – «труды и дни» одной из ста пяти (105) колоний, потомков отважных переселенцев, откликнувшихся в 18 веке на приглашение российской императрицы перебраться из своего вюртембергского княжества, истерзанного Семилетней войной в малозаселенные области Нижней Волги, чтобы укрепить там и упорядочить дикие степные окраины Юго-Востока России. В бурно развивавшейся после Петра империи недоставало своего населения. Ее пустынным, но неспокойным территориям «дикого поля» остро и на долгие годы нужны были цивилизованные «гастарбайтеры», которые со временем автоматически становились бы гражданами России. Екатерина II призывала на благодатный русский юг тысячи своих трудолюбивых земляков, выделяя им деньги из бюджета («проездные» и «кормовые»), не скупясь на обещания и открывая перед новоселами самые радужные перспективы. В своих надеждах и обещаниях императрица была, наверное, искренна, но, как нередко случалось в нашем отечестве, ни в верхах, ни в низах никто не изучал и не учел подводную часть многих «айсбергов» – социально-политических, межнациональных, этнических, да и просто бытовых и погодных.

В книгах обоих «Шнайдеров» перед читателями в двояком преломлении – документальном и художественном – проходит жизнь четырех поколений немецких колонистов, откликнувшихся на призыв русской императрицы. Их будет выручать на новом месте, а порой и становиться помехой, их немецкая ментальность: оптимизм и житейская трезвость, немецкое упорство и трудолюбие с немецкой же наивной верой в силу закона. Российская действительность будет вносить во все это свою «национальную» коррекцию.

Там, где в соприкосновение приходят разные народы, они – независимо от характера таких соприкосновений – взаимно обогащают друг друга своим опытом – как хорошим, так и дурным. А в данном случае речь шла о трудной взаимной «притирке» представителей трех национальностей, оказавшихся причастными к одной территории: немецкой, русской и кочевых киргизов-кайсаков, традиционные пастища которых волею властей были отданы в землепользование немецким поселенцам.

Исторический роман как жанр не обязан воспроизводить точную копию и последовательность исторических событий. Будучи произведе-

нием художника слова, лишь «повешенным на гвоздь истории» (В.Скотт), эта форма повествования просто дает ощущение исторической правдивости изображения, пусть и в сочетании с элементами художественного вымысла. Тем не менее исторический роман А.Шнайдер-Стремяковой похож и на роман документальный, на хронику о том, что было и ушло, не дотянув двух веков до нашего времени.

«Концептуальный» (он же «идеальный»!) читатель ее романа получает ощущение «голой» правды, иллюзию своей сопричастности к повествуемой истории. Он свидетель и споров-сомнений обывателей земли Вюртемберг на тему: ехать – не ехать в «дишую» Россию, и трудностей переезда – с двумя зимовками в пути, – и отчаяния первого поколения переселенцев, оставленных саратовскими властями один на один с природой – без крыши над головой, без денег и инвентаря. Труд, лишения, устройство быта, взаимопомощь и работа – до крови, до смертного изнеможения... И едва колония Мариентауль станет обретать бытовую стабильность, грянет восстание Пугачева с грабежами и убийствами со стороны залетных банд. Едва станет забываться подавленная властями пугачевщина, придет еще более страшное – регулярные августовские набеги киргизов, их насилие, убийство детей, порушенные семьи, киргизские полоны...

Коль скоро речь зашла о традициях и исторических сближениях, то истоки творческой манеры Г.Яхиной можно видеть еще и в стилистике двух авторов, как бы необычно их имена ни звучали в контексте XX столетия: Ф.Рабле и В.Гюго. И дело здесь в тех упомянутых выше авторских ретардациях В.Гюго мог вдохновить писательницу на постоянные авторские отступления, увлекающие читателя в сторону от сюжетного «прямотока». Поэтика же Рабле вспоминается не только в эпизодах, связанных с едой («раблезианская» трапеза хуторянина Удо Гримма [9; 36] или вызывающий сходные же аналогии «обед» беспризорника¹, но и с поэтикой барокко (забой скота в Гнадентале [9; 103-105]; бильярдная битва Сталина с Гитлером [9; 417-422]), ав-

¹ «И Васька стал есть <...> зерна овсяные, зерна пшеничные, зерна кукурузные, муку морковную, муку свекольную, сушеную свекольную ботву и яблоки сушеные, рыбу сушеную и сушеные же ягоды – все разом, с налитой соломой, клочками газет и мелкими веточками. Во рту хрустело – песок? земля? – словно стекло зубами молол» [9; 356].

торские «реестры» тому, что дополняет художественную сторону сюжета (подводные видения утопающего Баха).

Текст романа «Дети мои» бытийно реалистичен, но лишь на какие-нибудь 80%, остальные 20 – это роман, замешанный на мифологии – на индивидуальных мифах авторства Г.Яхиной. В этой связи вспоминается одно отважное сопоставление, посетившее когда-то автора данных строк, рецензировавшего роман А.Шнайдер-Стремяковой (2014) и увидевшего в его структуре и проблематике нечто общее со структурой и проблематикой нобелевского произведения Г.Г.Маркеса «Сто лет одиночества», которое тоже ведь – роман о переселенцах и о врастании их городка Макондо в «цивилизацию» [1]. В той журнальной рецензии автор констатировал и важное различие обоих романов – непричастность русского произведения к мифотворчеству. Волжские поселенцы не возносились на небеса, на них не сыпались оттуда дождем желтые цветы, в селении Мариенталь не было ни дождя, лившего «4 года, 11 месяцев и 2 дня», ни эпидемий бессонницы и беспамятства [2].

В романе Г.Яхиной есть и своя непогода и свое беспамятство («Годы Вечного Ноября»), есть и колдовское плодородие Арбузной Эми, мало в чем уступающее потрясающей урожайности на ферме Хосе Аркадио Второго. У татарской писательницы свой «магический реализм» – с превращениями сказок в быль, с магией реки Волги как чудовищного музея народных бедствий. Есть у нее и внезапный и неподтвержденный историей разворот литературного поезда с прямого маршрута на Москву в Немреспублику понадобившийся Сталину для того, видимо, чтобы снять с производства маленькие «кулацкие» трактора с названием «Карлик» и «Гном» и заменить их на большие «колхозно-социалистические» [9; 259-283]. Ощутима даже своего рода магия с именами персонажей. Если у Г.Г.Маркеса это постоянное чередование одинаковых «домоседов» Хосе Аркадио и «странников» Аурелиано Буэндия, то в «Детях моих» имена большинства поселенцев будто выбраны из энциклопедии «Ими гордится Германия»: Бах, Гофман, Гендель, Дюрер, Вагнер, Гримм, два Белля («Белль с усами» и «Белль без усов»), Гауф, Гаус, Кох.

Читателям романа «Дети мои» лучше не ожидать от автора системного бытового реализма,

ибо увлекшись сюжетом, читатель, может внезапно провалиться в пространство мифа. Так, хутор Удо Гримма, с которого пытается сбежать учитель Бах при первом его посещении, «препятствует» бегству, буквально запутывая потенциального репетитора на короткой, ровной и прямой тропинке к берегу Волги. Эпизоду посвящены 4 страницы описаний:

«...Оглянулся, а лес-то чужой. Незнакомая чаща сереет нагромождением стволов, рас特斯кавшихся и по-пьяному развалившихся во все стороны. Понизу щетинится иглами густой ежевичник. На ветвях - лохмотья прошлогоднего хмеля <...> Бежал, пока хватало воздуха в груди <...> Чувствуя под ребрами частые и тяжелые удары сердца, кляня весь этот лес, и эту яму, и эти бревна, перебираться через которые было пыткой. Бах прижался лбом к прохладной замшелости камня, перевел дух. Вдруг ощущил, что мох сталмягче...» и т.д. [9; 48-49].

Когда у Баха умрет при родах любимая жена, оставив ему новорожденного младенца, читатель на бытовом уровне не может не споткнуться о поистине чудовищное в таком контексте слово «прекрасный»:

«Мир был прекрасен и неподвижен, раскрывался послушно перед взором, как раскрываются книжные страницы, листаемые нетерпеливой рукой. Легчайшим усилием воли Бах поднялся над берегами и обозрел их сверху – с такой высокой точки, что края окоема округлились и завернулись книзу, а сама Волга превратилась в длинную змею, мелкими кольцами вы扭曲ся по земле. Опустился ниже – и припал взором к снеговому покрову, наблюдая игру света на гранях ледяных частиц, разглядывая строение отдельных кристаллов, отмечая их разнообразие и безупречную геометрию...» [9; 146].

Да, в словах что-то кощунственно невозможное, что отторгается нормальным сознанием, но уместно ли в принципе «нормальное» сознание там, где правит логика потрясения и мифа? Герой – немного «не от мира сего», поэт в душе и талантливый сказочник, навсегда утративший дар речи только оттого, что не смог защитить родного человека, – трагически возвысился здесь над миром, встал с ним вровень, презрительно прощая всему окружающему его холодную красоту. Подобно гетеевскому Алкею из второй части «Фауста», герой стал всевидящ и всеведущ, теперь он сам Алкей, способный и «обозревать берега» с космических высот, и «разглядывать

строение отдельных кристаллов. Поэтому удивительно ли, что стоя однажды на своем высоком обрыве, Бах вдруг в мельчайших деталях увидит, как «по блестящей корке наста мчалась крошечная мышь; тельце ее замерло в длинном прыжке - голые розовые лапки с растопыренными пальчиками напряжены отчаянным движением, круглые уши прижаты плотно, глазки вытаращены от ужаса» [9; 147]. И увидены все эти «пальчики» и «глазки» ночью, при свете луны!

Вредит ли роману такой «уход от реализма»? Это смотря по тому, как понимать реализм, ведь реализм бывает и «магическим». Как, к примеру, можно объяснить эпизод с массовой гибелью домашнего скота, отобранного у гнадентальцев? «Несмотря на обильное питание иенный уход, кулацкие волы и коровы отказывались есть и пить – целыми днями стояли неподвижно у полных коромышек и беспрестанно мычали в потолок, пока хватало сил, а через несколько дней падали замертво» [9; 293].

Роман Г. Яхиной требует «своего» читателя, способного «прощать» автору своеобразие его (ее) художественного мира и не торопиться заносить сюжетные и стилевые «несуразицы» в число авторских «недоработок», тем более что «недоработки» случаются даже у великих мастеров. Ведь написал же однажды «сам» Ф.М. Достоевский: «Мебель состояла из круглого стола овальной формы»!

Какие-то мелочи могли остаться не замечены и автором «Детей моих». Так, когда утративший дар речи Бах привез свою пятилетнюю дочку в Саратов, в котором он никогда прежде не бывал, то читатель может задаться вопросом, как двое немых могли в незнакомом городе найти нужный им вокзал. В романе же сказано просто: «Улица, по которой Баху с Анче предстояло идти к вокзалу, стелилась широко и могуче...» [9; 322]. А когда девочка подросла и на их хуторе прижился еще и «приемный сын» Баха - разбитной беспризорник Васька, Бах несколько раз сводит подростков на «свой» обрыв, чтобы «...любоваться закатами. Подумалось: вдруг вечная красота Волги тронет их сердца и напитает спокойствием <...> Та откликнулась: разливала по своему гладкому телу такие зори и вышивала по ним волнами такие узоры, что у стоявшего на утесе Баха от восторга пощипывало глаза» [9; 393]. Тут, однако, географическая «загвоздка»: стоя вечером на высоком **правом** берегу Волги и обозревая «гнадентальский» левый, Бах с детьми смотрели на восток, в сторону Сибири, солнцу же «полагается» закатываться на западе, у них за спиной, а

потому Волга внизу, в густой тени обрыва, вряд ли могла демонстрировать наблюдателям свои «зори» и «узоры».

Помня о способности героя-сказочника видеть невидимое и «предвидимое», надо принять как художественную данность и то, что увидит погрузившийся на дно Волги Бах на десяти заключительных страницах романа [9; 474-484]. А увидится ему там свидетельства и последствия гражданской войны и коллективизации. Помимо всякого рода обломков и фрагментов, отдельных предметов и их нагромождений, домов, мостов, «товарного вагона с запертymi внутри лошадьми», утонувших кораблей, пулеметов и мешков с зерном, он, «дыша» водой, будет двигаться среди знакомых и незнакомых трупов, пролежавших и простоявших в воде полтора десятка лет и тем не менее не подвергшихся разложению, - стремительно уносимых течением или застывших неподвижно, - страшный мартиrolog эпохи советского лихолетья:

«Люди лежали – друг у друга на груди, на животе, на спине, свив пальцы и сплетя руки, щека к щеке, рот ко рту, - словно не было у них никого дороже друг друга. Лежали – вверх по течению и вниз по течению, справа и слева – всюду, куда достигал взор. Тела устилали дно Волги – вернее составляли его. Глаза – светлые, темные, карие, голубые, широко распахнутые, в обводке длинных ресниц, и узкие, едва видимые из-под набрякших монгольских век, – спокойно глядели на Баха со всех сторон» [9; 481].

Романы о немцах в России это одновременно и романы об истории России. Если «Айсберги колонизации» А.Шнайдер-Стремяковой были первым художественно организованным свидетельством вхождения немецких колоний в русскую жизнь, то трагическая книга Гузели Яхиной стала продолжением того, чем завершались драмы и трагедии «Айсбергов». И здесь нельзя не отметить одной черты, общей для обоих романов, - черты, которую, не найдя другого слова, авторы этих строк склонны назвать этическим благородством их авторов. Показывая много жестокого и бесчеловечного, допущенного и умышленно навязанного героям властями, писательницы нигде не дошли до сатирических обобщений, не превратили свои произведения в памфлеты. В обоих романах сроднились и стали мирными соседями русские, немцы и киргизы. Советская власть, угрожавшая в романе Г.Яхиной самому существованию колонии, в то же время помогала им тракторами и посевным материалом, по-своему боролась с неграмотностью, раз-

рухой и беспризорностью. Лишен демонических черт и образ Сталина, который у Н.Яхиной не только тиран, но и поэт. А вот как автор косвенно характеризует обстановку и методы воспитания в детском приюте, куда попадут дети Баха:

«Дети не боялись ничего <...> Голоса детей были полны веры и страсти, а улыбки – любви и надежд. Движения их были свободны, радостны, и они несли эту радость и эту свободу с собой» [9; 445]. Не столь безнадежна и концовка романа – последний стилистический «айсберг» произведе-

ния. Щадя читателей от ужасов насилиственного переселения, писательница упрятывает самое страшное в «Эпилог», в сухой пересказ фактов. Стал немцам новой родиной Казахстан, погиб при завале в шахте Якоб Бах, искалечена в аварии несгибаемая Анче, которой война помешала стать летчицей, однако на этом жизнь не кончилась, и обещан ей мир и, наверное, и семейный покой в союзе с человеком, взаставшим в ней дар речи.

1. Бакалов, А. С. Два века назад на Большом Карамане // Ж-л «Волга». - Саратов. - 2014. - № 11. - С. 453.
2. Гарсия Маркес, Г. Сто лет одиночества / пер. М.Н.Былинкиной. - М.: ACT, 2017. - 480 с.
3. Шнайдер-Стремякова, А. Айсберги колонизации. - СПб.: Алетейя, 2012. - 240 с.
4. Шнайдер-Стремякова, А. Айсберги колонизации. Berlin: Nora Verlagsgemeinschaft, 2012. - 236 с.
5. Шнайдер, А. Мариенталь XVIII–XIX / Пер. с немецкого А.Шнайдер-Стремяковой. Berlin: Viademica-Verlag, 2014. - С. 6-255.
6. Шнайдер, А. Мариенталь XVIII–XIX / Пер. с немецкого А.Шнайдер-Стремяковой. - Барнаул: ОАО «Алтай», 2014. - С. 256.
7. Шнайдер-Стремякова, А. Айсберги колонизации. - Барнаул: ОАО «Алтай», 2014. - С. 256.
8. Schneider-Stremjakova, A. Eisberge der Kolonisierung. - Berlin: viademica verlag berlin. 2017. - 290 S.
9. Яхина, Г. Дети мои. - М.: Изд-во ACT. Редакция Елены Шубиной, 2020. - 493 с.

TWO RUSSIAN NOVELS ABOUT “RUSSIAN” GERMANS

© 2020 A.S. Bakalov, Z.N. Bakalova

Anatoly S. Bakalov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching Literature.

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Zinaida N. Bakalova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Their Teaching.

E-mail: abakalov1941@yandex.ru

Samara State Social and Pedagogical University.

Samara, Russia

Article contains an analysis of problems and style of two Russian novels about German settlers on the Low Volga shores (18th century) and their descendants (20th century). The first of the book is a historical novel “Icebergs of Colonization” by A. Schneider-Strem’akova created on the basis of a chronicle diary of her ancestor A. Schneider (18th century) and edited together with the ancestor’s diary in Russia (2011, 2014) and Germany (2014). Her novel tracks down the history of the Volga colony Marienthal (now settlement Sovetsky) and is dedicated to problems of its adaptation to Russian conditions. The artificial time of her opus is 1764 till the beginning of 19th century. This book is being compared with the novel “My own Children” by G.Yakhina (2020) which is a rather specific chronicle of another German Volga colony Gnadenthal (now Gennadyevo) during two Soviet prewar decades. The plot of Yakhina’s novel reveals the family tragedy of the teacher Yacob Bach on the background of the disaster in his colony and the common tragedy of German settlements in Soviet Russia at all. The analysis exposes common features of both compared novels and their mental and stylistic difference.

Key words: The Volga, Schneider, Yahina, Markes, Mariental, Gnadental, century, ice berg, tale-teller, historical novel, Germans, poem, colony, children, events, reality, magic realism, myth, steep.

DOI: 10.37313/2413-9645-2020-22-73-41-46

-
1. Bakalov, A. S. Dva veka nazad na Bol'shom Karamane (Two centuries ago on Bolshoy Karaman) // ZH-I «Volga». - Saratov. - 2014. - № 11. - S. 453.
 2. Garsiya Markes, G. Sto let odinochestva (One Hundred Years of Solitude) / Per. M.N.Bylinkinoy. - M.: AST, 2017. - 480 s.
 3. Shnayder-Stremyakova, A. Aysbergi kolonizatsii (Icebergs of colonization). - SPb.: Aleteyya, 2012. - 240 s.
 4. Shnayder-Stremyakova, A. Aysbergi kolonizatsii (Icebergs of colonization). - Berlin: Nora Verlagsgemeinschaft, 2012. - 236 c.
 5. Shnayder, A. Mariyental' XVIII – XIX (Marienthal XVIII – XIX) / Per. s nemetskogo A.Shnayder-Stremyakovoy. Berlin: Viademisa-Verlag, 2014. - C. 6-255.
 6. Shnayder, A. Mariyental' XVIII – XIX (Marienthal XVIII – XIX) / Per. s nemetskogo A.Shnayder-Stremyakovoy. - Barnaul: OAO «Altay», 2014. - S. 256.
 7. Shnayder-Stremyakova, A. Aysbergi kolonizatsii (Icebergs of colonization). - Barnaul: OAO «Altay», 2014. - S. 256.
 8. Schneider-Stremjakova, A. Eisberge der Kolonisierung. - Berlin: viademisa verlag berlin. 2017. - 290 S.
 9. Yakhina, G. Deti moi (My children). - M.: Izd-vo AST. Redaktsiya Yeleny Shubinoy, 2020. - 493 s.